

РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ И РИСКА

Г. А. Ельникова

*Белгородский
университет
потребительской
кооперации*

*e-mail: roma-
nenko@mail.belgorod.ru*

В статье анализируется гендерная система российского общества, сложившаяся в начале XXI века. Показываются особенности и проблемы гендерных отношений в России в условиях трансформационных преобразований и риска

Ключевые слова: трансформации, общество риска, гендерная система, гендерные отношения, гендерный порядок, гендерный контракт.

Известный английский социолог Э. Гидденс, отмечая многократно возросшую скорость изменения всех процессов, протекающих в обществе, назвал современную социальную реальность «ускользающей»¹. Для нее характерны трансформации, «охватывающие все сферы жизнедеятельности общества и проявляющиеся в растущем динамизме общественных взаимодействий, в стремительном рождении и таком же быстром отмирании новых социальных образований, в расширении пространства свободы и ответственности индивидов и групп, в снижении предсказуемости изменяющихся жизненных ситуаций»². Стремительно протекающие изменения в обществе вызывают ускорение темпов жизни и актуализируют проблему выбора. В свою очередь, выбор в быстроменяющихся условиях всегда связан с высокой степенью риска.

Риски также проникают во все сферы жизнедеятельности современного общества, превращая его, по определению У. Бека, в «общество риска»³. Риски заложены в самом процессе модернизации, которая их порождает, «внося неопределенность в каждую ячейку общества»⁴. В разрабатываемых социологами концепциях риска даются различные определения понятия «общество риска». Для нашей статьи мы воспользуемся определением, данным Ю.А. Зубок: «Общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей в условиях переходного состояния от определенности к неопределенности (или наоборот), когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска»⁵.

Исходя из выше сказанного, можно отметить, что современная социальная реальность имеет две взаимосвязанные определяющие ее специфику черты: трансформации и риски. Однако, несмотря на их взаимосвязанность, трансформации и риски имеют кардинальные различия. Трансформации представляют собой *процесс*, «охватывающий все сферы общества и выраженный в преобразованиях способа деятельности человека (культуры), форм отношений между людьми в ходе их деятельности (социальности)»⁶. Результат трансформаций проявляется постепенно, по прошествии определенного времени. В качестве субъекта трансформаций выступает весь комплекс социальных, экономических, политических, культурных, психологических факторов, воздействующих на объект.

¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.

² Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М.: Academia, 2008. – С. 39.

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁴ Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: Изд-во LVS, 2003. – С. 45.

⁵ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования. – М.: Мысль, 2007. – С. 162-163.

⁶ Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2000. – С. 38.

В свою очередь, риск – «целенаправленное поведение социального субъекта, осуществляемое в условиях неопределенности его исходов»⁷. Риск предполагает поливариативность действий, обладает инновационным потенциалом, хотя и имеет ограничения, определяемые социокультурной ситуацией. В свою очередь, трансформации выступают как результат выбора на макроуровне в условиях неопределенности.

Накладываясь друг на друга трансформации и риски, порождают своеобразные ситуации как в обществе в целом, так и в отдельных его структурах и элементах. Таким образом, развитие общества и его структур в современных условиях можно рассматривать в рамках цикла: стремительные изменения (трансформации) порождают риски – риски предполагают то или иное поведение (действие) социального субъекта – выбранный социальным субъектом вариант действия ведет к определенным изменениям – изменения в одном элементе системы могут привести к трансформациям во всей системе.

Целью статьи является анализ гендерной системы современного российского общества, которое можно охарактеризовать как общество незавершенной трансформации и риска.

Термин «поло-гендерная система» был впервые использован американским социологом и антропологом Гейл Рубин, охарактеризовавшей гендерную систему как «набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности»⁸. Концептуально теория гендерной системы была разработана австралийским социологом Р. Коннеллом. В своей работе «Гендер и власть» он предложил структурно-конструктивистский подход к анализу гендерных отношений, который включал в себя взаимодействие и взаимовлияние структуры и актора⁹. Р. Коннелл продемонстрировал, что у актора есть определенная степень свободы, и вместе с тем он ограничен существующими структурами. Актор, совершая выбор в поле гендерных отношений, не может ориентироваться только на свои желания, а вынужден действовать в рамках сложившейся гендерной системы. Для характеристики гендерной системы Р. Коннеллом были введены термины «гендерная композиция» и «гендерный порядок». Гендерная композиция – это социальная реальность, представленная как система структурных возможностей для старых и новых гендерных практик, которая охватывает три основные сферы – сферу труда и экономики, сферу политику и сферу эмоциональных отношений (катексис). Под гендерным порядком Р. Коннелл понимает иерархически организованную систему отношений между полами, охватывающую все стороны социальной жизни – приватной и публичной.

В данной работе под гендерной системой понимается определенного типа социокультурная целостность, структуратором которой выступает гендер и которая включает в себя социальные институты, социальное разделение труда, социальное поведение, социальные взаимодействия, социальную регуляцию сексуального поведения.

Гендерная система есть составная часть всей системы общества. Изменения, происходящие в обществе в целом, или какой-либо его структуре, непременно отражаются на гендерной системе, проявляются в гендерных отношениях.

Характеризуя российское общество начала XXI века, следует отметить, что, с одной стороны, это общество незавершенной трансформации¹⁰ и общества риска¹¹; с другой стороны, это общество между двумя экономическими кризисам 1998 года (дефолт) и 2008 года. Межкризисный период характеризовался подъемом экономики

⁷ Зубков В.И. Социологическая теория риска. Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2009. – С. 117.

⁸ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 91.

⁹ Connell R. Gender and power. Cambridge University Press, 1987.

¹⁰ Заславская Т.И. К методологии изучения трансформации посткоммунистических обществ (на примере России) // www.isras.ru/publications_bank/1225398577.pdf.

¹¹ Подробная характеристика России как общества риска дана в работе Яницкого О.Н. Социология риска. – М.: Изд-во LVS, 2003, гл. 2.

страны и относительным улучшением благосостояния народа. Россия стала одной из четырех стран с быстрорастущей экономикой (стран БРИК). За эти годы значительно снизился уровень безработицы, стабильно росли средняя заработная плата и прожиточный минимум; были разработаны и начали осуществляться национальные проекты в социальной сфере. Однако в это же время были упущены возможности для развития национальной экономики, приостановлены демократические преобразования, увеличилось социальное и имущественное расслоение общества.

Состояние современного российского общества нашло свое прямое отражение и на гендерной системе. Современная гендерная система российского общества начала складываться в 90-е годы XX века. Ее отличительной чертой стала утрата государством своей доминирующей роли, свойственной ей в советский период. В новой гендерной системе гендерные взаимосвязи и отношения стали основываться на возрождавшихся патриархальных ценностях и нормах, что повлекло за собой, с одной стороны, усиление гендерной асимметрии, дискриминации по полу, прежде всего в сфере политики и управления, гендерной сегрегации; а, с другой стороны, увеличилась вариативность построения жизненных стратегий.

На складывающейся гендерной системе позитивно отразились происходившие в 90-х гг. XX века процессы демократизации российского общества, что привело к возрождению самостоятельного женского движения, возникновению женских некоммерческих организаций и научных центров гендерных исследований. Наибольшим успехом для сторонников идеи активного участия женщин в политике были выборы в Государственную Думу 1993 года, когда в нее вошел блок «Женщины России» и работавший весь депутатский срок как самостоятельная фракция. Во фракцию входили женщины, имевшие «свое политическое лицо». Кроме того, радикальный поворот российского общества лицом к мировой демократической общественности, активно пропагандирующей идеи гендерного равенства, подталкивал российское правительство на эксплицирование «женской темы». В 1994 году в администрации Президента РФ Б.Н. Ельцина создается комиссия по положению женщин, семьи и демографии. Россия подписывает все возможные международные конвенции о гендерном равенстве. Предвыборный 1996 год со всей очевидностью показал, что власть искала в лице женщин свою новую опору. В этом же году, как отмечают исследователи, было принято «рекордное число президентских указов, направленных на улучшение положения женщин, один из них непосредственно призывает выдвигать женщин на руководящие посты и формировать женский кадровый резерв»¹². Таким образом, в складывающейся в 90-е годы XX века гендерной системе женщинам впервые отводится роль самостоятельного политического актора. Однако, как впоследствии показали политические реалии эта роль лишь декларировалась.

С началом XXI века в российском обществе начинается новая волна трансформаций, которые имели эксплицитную направленность на повышение роли государства во всех сферах его жизнедеятельности, и проходивших, как уже сказано выше, на фоне экономического роста и определенной стабилизации. Государство полностью определило круг тех политических сил, которые составляли его опору. Женщины в этот круг не вошли. Все высказывания первых лиц государства и некоторые шаги по поддержке женщин, действующих в политической сфере, не несли ничего нового и вполне укладывались в схему советской гендерной системы. Референдом отдельных выступлений Президента В.В. Путина и Президента Д.А. Медведева стало утверждение о необходимости увеличения количества женщин в высших эшелонах власти. В качестве их реализации в России в начале XXI века впервые во главе крупнейшего региона – Санкт-Петербурга – встала женщина, В.И. Матвиенко; в кабинете министров три министер-

¹² Ажгихина Н.И. Когда Россией будет управлять Маргарет Тэтчер? // Гендерные исследования. – 2008. – № 16. – С. 11.

ских портфеля достались женщинам. Однако общая ситуация с представительством женщин в политической сфере не изменилась. Так, в составе Государственной Думы пятого созыва всего 63 женщины, что составляет 14% всех депутатов. Россия занимает 82 место по проценту женщин в нижней палате парламента, располагаясь между Гвинеи-Бисау и Камеруном. Но для характеристики современной гендерной системы важно даже не количественное соотношение женщин и мужчин в парламенте, а их политическая состоятельность. Анализ кратких биографий женщин-депутатов Государственной Думы пятого созыва¹³ показывает, что только треть из них имеет продолжительный опыт политической деятельности; две трети таким опытом не обладают, среди них известные спортсменки, актрисы, жены, дочери или сестры известных политиков. Имена более половины из женщин-депутатов практически неизвестны российскому электорату, они не имеют своего политического лица, попав в Государственную Думу по партийным спискам. Исходя из этого, можно предположить, что деятельность большинства женщин-депутатов Государственной Думы будет мало способствовать установлению гендерного паритета, как в обществе в целом, так и в политической сфере в частности.

В регионах же проблемы даже формального представительства женщин в органах государственной власти оказались не озвученными и в результате мы имеем более достоверную картину гендерной асимметрии в политической сфере. Так, в областях Центрального Черноземья среди 240 депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти 20 женщин, или 8,3%:

Таблица 1

Гендерный состав депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти областей Центрального Черноземья¹⁴

Область	Человек		Распределение по полу (в %)	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Белгородская	4	31	11	89
Воронежская	4	51	7	93
Курская	4	41	9	91
Липецкая	7	49	13	87
Тамбовская	1	48	2	98
Всего	20	220	8,3	91,7

Оценивая выборы в областные парламенты по партийным спискам с позиций гендерного подхода, можно прийти к выводу, что они не способствуют поднятию доверия к женщинам, занимающихся политической деятельностью. Не личные качества, а принадлежность к той или иной партии является в данной ситуации главным фактором в их политической карьере. В отдельных случаях это вредит самой идее активного участия женщин в политике, как, например, в случае с избранием в состав Белгородской областной Думы по партийному списку ЛДПР такой одиозной личности, как Мария Малиновская.

Таким образом, можно констатировать, что дискриминация женщин в политической сфере в начале XXI века не только не уменьшилась по сравнению с 90-ми годами XX века, но даже усилилась, реализуясь как через явные, так и латентные формы.

Препятствия, с которыми сталкиваются женщины в политической сфере и которые можно охарактеризовать как дискриминацию, проявляются и в управленческой деятельности в других сферах. Ограничение доступа женщин к управлению в со-

¹³ Айвазова С.Г. Российские выборы: гендерное прочтение. – М.: Консорциум женских неправительственных объединений, 2008. – С. 142-169.

¹⁴ Подсчитано по: Женщины и мужчины России. 2008. Стат.сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 246.

циологической и экономической литературе получило название «вертикальная сегрегация» или «стеклянный потолок». «Стеклянный потолок» – это некоторый уровень в карьерной иерархии, выше которого женщины практически не имеют возможности подняться. Хотя формальных ограничений для занятия позиций выше «стеклянного потолка» нет, тем не менее фактически женщины не могут продвинуться дальше этого барьера»¹⁵. По данным Росстата среди всех занятых женщин руководителями являются 5,7%, а среди мужчин 9,0%¹⁶. В среднем вероятность иметь статус руководителя у мужчин в 1,5 раза больше, чем у женщин¹⁷.

«Стеклянный потолок» – явление, присущее всем индустриальным обществам. Однако оно не означает, что никому из представительниц женского пола не удастся достичь самых высоких ступенек в карьерной лестнице. В начале XXI века в России произошел поистине прорыв женщин в руководство бизнесом, который оказался более лояльным к ним, чем государственные структуры. Как показал мониторинг рынка труда топ-менеджеров в России в 2000-2007 гг., проводимый лабораторией исследований рынка труда ГУ ВШЭ, доля женщин в назначениях на высшие руководящие должности в 2000-2007 гг. достаточно стабильно росла и в российских компаниях данный показатель увеличился с 5,2% в 2000 г. до 20,1% в 1-й половине 2007 г. В иностранных компаниях доля руководителей-женщин примерно на 3,5 п. п. выше, чем в российских, и также возросла – с 14,0% в 2000 г. до 23,2% в 1-й половине 2007 г.¹⁸.

Тенденция роста числа топ-менеджеров-женщин продолжается и до настоящего времени. В марте 2009 года в журнале «Финанс» был опубликован список 50 самых влиятельных деловых женщин России. Из них 43 являются владельцами компаний, генеральными директорами, Председателями советов директоров или его членами, а также членами правлений. Все они обладают миллионными состояниями в долларовом выражении и, по мнению журнала, оказывают заметное влияние на деловую среду в России.

Глубинные социокультурные трансформации 90-х годов и относительная экономическая стабилизация в 2000-х эксплицитировали в начале XXI века поливариантность жизненного пути для женщин. Главный выбор проходил между двумя гендерными контрактами: работницы и домохозяйки. Теоретически перед таким выбором женщина в индустриальном обществе стоит всегда, однако в жизненных реалиях не всегда предоставляется возможность такого выбора. Так, сложная социально-экономическая обстановка в 90-х годах, когда закрывались тысячи предприятий, происходили массовые сокращения, быстрыми темпами росла безработица женщины во многих случаях становились единственными кормильцами семьи. В кризисные, экономически неблагоприятные периоды женщины оказываются более востребованы на рынке труда вследствие более дешевой рабочей силы. Как отмечают И.О. Мальцева и С.Ю. Роцин, «гендерные различия в заработной плате даже в случае равенства параметров предложения труда и человеческого капитала остаются существенными..., что позволяет предполагать наличие гендерных различий в оплате труда, обусловленных исключительно полом работника»¹⁹. Гендерные различия в заработной плате в России достигли своего максимума в 2000 году и достигли 36,6% и сохраняются на уровне 32-34% до настоящего времени.

¹⁵ Мальцева И.О., Роцин С.Ю. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – С. 87.

¹⁶ Женщины и мужчины России. 2008, с. 119.

¹⁷ Там же, с. 107.

¹⁸ Мониторинг рынка труда топ-менеджеров в России (2000-2007 гг.) / Под ред. С.Ю. Роцина. Препринт WP 15/2009/02. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – С. 53.

¹⁹ Мальцева И.О., Роцин С.Ю. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда, с. 218.

Таким образом, в экономической составляющей современной гендерной системы российского общества эксплицируется гендерная асимметрия, при которой женщина позиционируется как менее ценный работник, чем мужчина. Следствием этого является: во-первых, ограниченная вертикальная и горизонтальная трудовая мобильность женщин («стеклянный потолок» и «стеклянные стены»), во-вторых, более низкий уровень заработной платы у женщин по сравнению с мужчинами.

Достаточно заметные изменения, с точки зрения гендерного подхода, произошли в начале XXI века в образовании и науке. Наиболее серьезно ими оказалась затронута система высшего образования. Во-первых, произошло определенное падение престижа высшего образования; во-вторых, становится очевидной градация вузов по качеству образования и возможностей трудоустройства после их окончания; в-третьих, высокий уровень затрат на качественное образование делает его недоступным для некоторых категорий населения; в-четвертых, в 2008 году число выпускников средних школ вследствие демографической ситуации оказалось немногим меньше, чем число студенческих мест в вузах, и, по подсчетам ученых, это тенденция с нарастающим эффектом. В такой ситуации гендерный анализ состава студентов должен коррелироваться со значительным набором разноплановых факторов: демографической ситуацией, материальным положением, местом проживания и т.п., что требует серьезного самостоятельного исследования. Особый интерес для гендерного анализа системы высшего образования представляют гендерные различия в выборе будущих специальностей. Эта проблема в наибольшей степени репрезентирует гендерный порядок общества. Проведенный нами анализ статистических данных показал, что женщины преобладают среди студентов вузов по направлениям гуманитарных и социально-экономических наук (около 60%), здравоохранения (70-80%), образования (60-70%); мужчины – естественных наук и математики (50-60%), технических наук (70%), сельскохозяйственных наук (60-70%). С самого начала получения высшего образования женщины оказываются нацелены на получение менее востребованных на рынке труда специальностей. Здесь срабатывают гендерные стереотипы, основанные на социально-психологическом феномене, который американский психолог Сандра Бем назвала гендерными линзами: а) линзы андроцентризма, через которые мужской опыт и поведение воспринимаются в качестве универсальной и нейтральной нормы, по отношению к которой женщина выступает как некое отклонение или вариация; б) линзы гендерной поляризации, которые репрезентируют все мужское и женское как универсально разные полярные начала; в) линзы биологического эссенциализма, которые обосновывают остальные линзы, представляя их естественными и неустранимыми последствиями полового диморфизма²⁰. Исходя из гендерных стереотипов, женщины выбирают специальности, традиционно относящиеся к женским. При этом игнорируется поливариантность выбора как сущностная составляющая социального поведения человека в обществе риска. Студентки при выборе специальности оказываются между двумя направляющими – гендерными стереотипами и потенциальностью многообразного выбора, которые, в свою очередь, есть отражение противоречий между традиционной патриархатной гендерной системой и постоянно изменяющимся обществом, обществом риска.

В образовательном процессе в высших учебных заведениях, как известно, есть две стороны: студенты и преподаватели. И если при рассмотрении студенчества как социальной группы гендерные различия проявляются прежде всего при выборе специальности, то для преподавательского состава они характеризуют различия в траектории жизненного пути.

Приведенные ниже статистические данные дают представление о профессорско-преподавательском составе высших учебных заведений.

²⁰ Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на неравенство полов. – М.: РОС-СПЭН, 2004.

Таблица 2

Анализ профессорско-преподавательского персонала высших учебных заведений*

	Распределение по полу в%							
	2002		2004		2006		2008	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Всего	50	50	52	48	53	47	54	46
Ректоры	6	94	7	93	8	92	8	92
Проректоры	20	80	23	77	26	74	26	74
Деканы	28	72	31	69	34	66	36	64
Зав. кафедрами	28	72	31	69	33	67	35	65
Профессора	21	79	22	78	24	76	26	74
Доценты	44	56	47	53	49	51	52	48
Ст. преподаватели	66	34	68	32	70	30	70	30
Преподаватели, ассистенты	68	32	68	32	69	31	69	31

*Данные Росстата

Как видно из вышеприведенной таблицы в начале XXI века наметилась тенденция превалирования женщин в составе профессорско-преподавательского персонала высших учебных заведений. Данная тенденция может в дальнейшем привести к ряду неблагоприятных последствий: во-первых, во всем образовательном и воспитательном процессе, направленном на подрастающее поколение, начиная с детского сада и начальной школы и заканчивая высшей школой, будут доминировать женщины и воспитание будет носить односторонний сугубо женский характер; во-вторых, феминизация отдельных видов деятельности, как показывает практика, ведет к снижению в них уровня заработной платы; в-третьих, указанные выше последствия приведут к падению престижа высшего образования как сферы деятельности; в-четвертых, это будет способствовать оттоку из сферы высшего образования способных молодых людей, стремящихся к престижной и высокооплачиваемой работе, что, в свою очередь, может привести к резкому падению уровня и качества высшего образования.

Иными словами, происходящая в современных условиях трансформация гендерной составляющей высшего образования представляет собой определенный риск для перспектив развития всего российского общества.

Повышение качества высшего образования в определенной степени коррелируется с научной деятельностью преподавателей, что чаще всего выражается в их стремлении к достижению той или иной ученой степени. Гендерный анализ лиц, работающих над кандидатскими и докторскими диссертациями, дает следующие результаты: среди аспирантов и докторантов женщины составляют в 2008 году 44,7%. С 2001 по 2007 г. наметились две тенденции: первая – к уменьшению процента женщин, работающих над кандидатскими диссертациями (с 45% до 43%), вторая – к увеличению процента женщин, среди работающих над докторскими (с 41% до 46%). Соотношение этих двух тенденций дает основание предполагать, что в ближайшей перспективе возможно снижение и процента женщин-докторантов. То есть, женщины оказываются менее заинтересованными в работе над диссертационными исследованиями, чем мужчины. Это подтверждается и конкретными социологическими исследованиями. Так, социологи Башкортостана в 2007 году провели социологическое исследование «Профессиональная мобильность научных сотрудников», в задачи которого входило в числе прочих и выяснение причин, по которым преподаватели вузов и научные сотрудники отраслевых институтов не планировали защиту диссертаций. Более 40% респондентов основной причиной назвали возраст, причем данная причина в одинаковой степени была выделена и мужчинами, и женщинами. Остальные причины имели ярко выра-

женную гендерную окраску. «Защита диссертации не даст существенной прибавки к зарплате» – эту причину указали 20,8% мужчин и 8,7% женщин; недостаток времени мешает защите диссертации 31,3% мужчин и 19,6% женщин; другие причины, среди которых подразумевались семейные обязанности, необходимость воспитания детей, выполнение работы по дому, указали 10,4% мужчин и 17,4% женщин²¹.

Данные названного выше исследования подтверждают мнение о более низкой профессиональной мобильности женщин-преподавательниц вуза по сравнению с мужчинами и о меньшей их готовности к повышению своей научной квалификации. Это еще в большей степени усиливает те риски, которые существуют в системе высшего образования и имеют неблагоприятные последствия для всего общества.

Осознание современного российского общества как общества риска актуализирует проблему здоровья человека. Статистические данные о состоянии здоровья россиян, продолжительности их жизни и смертности носят ярко выраженную гендерную окраску. В начале XXI века продолжительность жизни женщин составляла 72 года, мужчин – 58 лет. В современной России можно говорить о сверхсмертности мужчин. Смертность среди мужчин трудоспособного возраста в среднем в 3,7 раза превосходит смертность женщин. Даже с учетом того, что трудоспособный возраст мужчин на 5 лет выше, чем трудоспособный возраст женщин, эта разница существенно не изменится. Парадоксальным является факт того, что заболеваемость мужчин ниже заболеваемости женщин, а смертность, как уже указывалось, выше. Можно было бы предположить, что это связано с заболеваниями разного типа у мужчин и женщин, с особой структурой «мужских болезней», как, например, инфаркт, смертность от которого среди мужчин гораздо выше (почти в 5 раз), чем смертность среди женщин, и первые признаки которого по самочувствию человека сложно диагностировать, т.е. установить факт заболеваемости. Однако, если в качестве примера взять новообразования, то заболеваемость ими среди женщин превосходит заболеваемость мужчин (в 2007 г. 53% женщин против 47% мужчин)²²; среди умерших же от новообразований женщины составили 34%, мужчины – 66%. Исследователи объясняют этот факт тем, что женщины ответственнее относятся к своему здоровью, чаще посещают врача и ведут более правильный образ жизни, не давая болезни стремительно прогрессировать. Состояние здоровья мужчин, начиная с определенного жизненного цикла (примерно около 50 лет), можно охарактеризовать термином «упущенное» здоровье. До этого периода мужчины, если нет на то очевидных причин, как правило, к врачам не обращаются. Кроме того, в стране еще крайне мало специализированных андрологических центров для мужчин. Но важно не просто констатировать факт игнорирования мужчинами врачей до определенного периода своей жизни и неразвитость специализированной системы контроля мужского здоровья, но необходимо установить его социальные причины. Как справедливо отмечает И.С. Кон, «постиндустриальное общество, новые информационные технологии, ускорение темпов технологического и культурного обновления и ломка традиционной гендерной стратификации, в которой мужчины играли доминирующую роль, действительно ставят мужчин перед новыми проблемами»²³. Мужчины стремятся удержаться на первой роли в соревновании с женщинами, каких бы физических и психических сил это не стоило бы. Традиционные гендерные стереотипы, хоть, с одной стороны, и не вполне вписываются в жизнь современного общества; а с другой стороны, противоречивы в своем основании, оказывают значительное влияние на мужчин. Гендерные стереотипы, во-первых, позиционируют мужчину как добытчика и диктуют мужчинам всеми способами стремиться к добыванию средств для существования семьи, при этом проблемы собственного

²¹ Сарбаева А.Г. Гендерные особенности планов профессиональной мобильности научных сотрудников // Актуальные проблемы современной гендерологии. Выпуск 4. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 146.

²² Женщины и мужчины России. 2008, с. 61.

²³ Кон И. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – С. 287.

здоровья отодвигаются на второй план; во-вторых, утверждают, что для настоящего мужчины на первом месте должны быть его дело, его работа; в-третьих, создают образ сильного мужчины, который никогда не должен жаловаться, обращать внимание на свои недомогания, т.к. последнее является уделом женщин.

Рассматривая проблему «упущенного» мужского здоровья через концепцию общества риска, на наш взгляд, следует обратить внимание на инновационное поведение. Возможность поливариантного выбора диктует поиски новых жизненных стратегий, новых стилей жизни, которые могут вступать в конфликт с традиционными, зачастую устаревшими гендерными стереотипами. Образ сильного, всегда здорового мужчины, кормильца семьи, конечно, привлекателен, но у человеческих сил есть определенные пределы и длительное существование на их пределе не может быть нормой жизни, несмотря на гендерные стереотипы.

Для женщин социальные проблемы здоровья также в определенной степени связаны с гендерными стереотипами, со стремлением быть хорошей хозяйкой в доме, все успевать и в то же время работать на общественном производстве, делать карьеру. Но женщины уже в какой-то мере адаптировались к двойной нагрузке (дома и на производстве), в то время как для мужчин это новая ситуация, отличная от советских времен – возможность благодаря своему труду зарабатывать достаточные средства для содержания своей семьи.

Таким образом, анализ различий в состоянии здоровья мужчин и женщин позволяет сделать вывод о том, что здоровье женщин и мужчин, главным образом, зависит от ответственности за свое здоровье самого человека. И, если на пути к здоровью будут стоять гендерные стереотипы, то их следует преодолевать.

Как уже отмечалось выше, начало XXI века в России совпало с первыми попытками государства возродить свое влияние на гендерную систему общества и прежде всего на семью. Это сразу нашло отражение и в гендерной системе: государство вновь, хоть еще и достаточно слабо, стало оказывать влияние на гендерные отношения. Основным гендерным контрактом в обществе по-прежнему остается контракт «женщина-работница». Государство видит в женщине прежде всего работника, и его отношение к ней строится, главным образом, через трудовое законодательство. Однако в России в последние годы обострилась демографическая проблема; снижение рождаемости – один из главных факторов постоянного уменьшения численности населения. В сложившейся ситуации государство обращает свое внимание на поддержку семьи. Для стимулирования повышения рождаемости вводится так называемый материнский капитал – выделение определенной суммы денег на нужды матери и ребенка (на образование, на жилье, для увеличения накопительной части пенсии матери) при рождении второго ребенка и последующих детей.

Подход к назначению материнского капитала, в определенной степени, есть попытка возвращения к гендерной композиции советских времен, когда из семьи как бы изымался отец, становился невидимым. Обозначение капитала как материнского подчеркивает большую важность матери в воспитании ребенка и ее повышенную ответственность за него. Включаясь в гендерную систему, государство стремится взять на себя роль «большого Отца»: оно заботится о матери и ребенке, оно, в конечном итоге, дает им средства для полноценной жизни. Но, как отмечает современный немецкий психолог Г. Крайг, родительство есть наивысшая фаза в индивидуальном развитии как женщины, так и мужчины²⁴. Неслучайно также существует поговорка, репрезентирующая основные составляющие удавшейся жизни мужчины – «посадить дерево, построить дом, воспитать сына». Вновь заявивший о себе в начале XXI века процесс вытеснения мужчин из семьи есть, несомненно, отход назад от позитивных приобретений 90-х годов XX в., таких, например, как возможность брать больничный по уходу за ребенком (включая частично декретный отпуск) не только для матери, но и других членов семьи, в первую очередь, для отца, которые признавали отцовство в качестве важнейшей функции мужчины.

²⁴ Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2002. – С. 706.

Таким образом, современная гендерная система российского общества при всей своей специфике продолжает носить асимметричный и дискриминационный характер. Для преодоления негативных явлений в системе гендерных отношений и регулирования ее дальнейшего развития следует, на наш взгляд, возникла необходимость в разработке продуманной, научно обоснованной гендерной политики, охватывающей все уровни власти от правительства страны до муниципалитетов, а также механизмов ее реализации.

Разработка гендерной политики должна основываться на глубоком гендерном анализе, включающем в себя научный и практический аспекты. Научный анализ необходим для концептуализации проблем развития гендерных отношений. Практический гендерный анализ должен строиться на гендерно-чувствительных индикаторах, которые позволяют выявлять конкретные изменения в обществе, касающиеся положения женщин и мужчин, и носить комплексный характер.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М.: Academia, 2008.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: Изд-во LVS, 2003.
5. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования. – М.: Мысль, 2007.
6. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФ РАН, 2000.
7. Зубков В.И. Социологическая теория риска. Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2009.
8. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
9. Connell R. Gender and power. Cambridge University Press, 1987.
10. Заславская Т.И. К методологии изучения трансформации посткоммунистических обществ (на примере России) // www.isras.ru/publications_bank/1225398577.pdf.
11. Ажгихина Н.И. Когда Россией будет управлять Маргарет Тэтчер? // Гендерные исследования. – 2008. – № 16. – С. 11-15.
12. Айвазова С.Г. Российские выборы: гендерное прочтение. – М.: Консорциум женских неправительственных объединений, 2008.
13. Женщины и мужчины России. 2008. Стат.сб. / Росстат. – М., 2008.
14. Мальцева И.О., Рощин С.Ю. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. – 2-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
15. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на неравенство полов. – М.: РОС-СПЭН, 2004.
16. Сарбаева А.Г. Гендерные особенности планов профессиональной мобильности научных сотрудников // Актуальные проблемы современной гендерологии. Выпуск 4. – М.-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 145-148.
17. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009.
18. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2002.

REGULATION OF THE GENDER SYSTEM OF RUSSIAN SOCIETY IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION AND RISK

G. A. Elnikova

*Belgorod University
of consume cooperation*

e-mail: romanenko@mail.belgorod.ru

The article analyses the Russian society gender system in the beginning of the 21-st century. The article shows peculiarities and problems of gender relations in Russia in conditions of risk & transformations

Key words: transformation, risk society, gender system, gender relations, gender order, gender contract.